

Сергей
ЦДАРУЦЕВ

доктор юридических наук, профессор

АБАЙ: МЫСЛИТЕЛЬ, СУДЬЯ, ЗАКОНОДАТЕЛЬ

Каждый народ, населяющий планету Земля, имеет духовные и нравственные опоры. Одной из таких фундаментальных опор в сознании казахского народа является творческое наследие Абая Кунанбаева. В его произведениях максимально отражены традиции народного творчества и осмысление проблем общества на рубеже конца XIX века – начала XX века. Наследие Абая – сплав традиционного казахского сознания и мироощущения, предчувствия, осмысления грандиозных исторических поворотов, намечающегося ускорения развития и новых перспектив в жизни народа, которые открывались перед сознанием выдающихся казахских просветителей в начале XX в.

Эпоха Просвещения – закономерный этап в эволюции общественного сознания всех народов накануне активного формирования индустриального общества с его потребностями в значительном повышении уровня образованности населения, его раскрепощения, освобождения, подготовки к новому динамично развивающемуся обществу. Просветители в XVIII – начале XX веках освещают исторический путь народа на перспективу, заставляют его критически взглянуть на самого себя, переосмыслив свое прошлое и настоящее, готовят его к предстоящим кардинальным сдвигам в структуре общества и его жизнедеятельности.

Казахстан стоял у начала активного движения к новому уровню развития и новым формам образованности и культуры. Объективно, просветительство во всех странах способствует соответствующим сдвигам в сознании, подготавливая наступление новой ступени эволюции общества. В то же время просветительство имеет объективные исторические задачи критики прежних, преимущественно средневековых форм общественной жизни, культуры и сознания традиционного общества. Просветительство играет и роль своего рода предупреждающего фактора о необходимости более интенсивной работы по исторической адаптации к новым условиям и всесторонней работы над собой как отдельных людей, так и общества в целом. Во многом именно этим объясняются порой жесткие и беспощадные критические суждения о современном ему обществе и современниках мыслителя, глубоко переживающего за возможные негативные последствия осуждаемых им явлений, свойств людей и общественных порядков. С другой стороны, просветители много внимания уделяли вопросам просвещения и самих реформаторов, разъясняя и им необходимость осторожного, поэтапного прове-

дения реформ. Не случайно много внимания просветители Казахстана, начиная с Ч. Валиханова, уделяли обычному праву и суду биев и разъяснению особенностей этих явлений представителям царской администрации, понимая, что в этих формах права и суда содержится мощный потенциал самоорганизующейся народной жизни и что его следует, по возможности, сохранить и развить. Это не мешало им критиковать конкретных биев за их незнание обычаев и несправедливое осуществление суда.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ АБАЯ, ВЛИЯНИЕ ССЫЛЬНЫХ

Абай (1845 – 1904) – великий просветитель, мыслитель и поэт казахского народа. Родился он в Семипалатинской области, в знатной семье, по отцу происходил из рода Тобыкты. Официальное имя его было Ибрагим (Авраам), но мать, а за ней и другие называли ласкательным именем Абай [2]. Отец его был старшим султаном в местной администрации. По линии отца и матери несколько его предков были известными и авторитетными биями в степи.

В десять лет Абай был отдан в школу-медресе семипалатинского имама Ахмед-Ризы, кроме того, он несколько месяцев посещал русскую приходскую школу. Абай изучал религиозные арабские тексты, произведения восточной классической литературы. Однако отец счел, что пяти лет в медресе вполне достаточно для того, чтобы начать готовить сына к практической деятельности бия, и решил прекратить его обучение.

Абай всю жизнь продолжал самообразование. Общась со ссыльными деятелями освободительного движения, работая в библиотеке в Семипалатинске, изучая доступные ему книги и периодику, он углублял свои знания в области восточной литературы и философии, открывал для себя русскую и европейскую культуру и литературу (в том числе изучал сочинения основоположников позитивизма), увлеченно занимался переводами с русского языка на казахский язык отдельных произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и других, а также создавал собственные оригинальные произведения, широко распространявшиеся по степи благодаря сложившимся традиционным формам и отшлифованной технике запоминания и передачи устной информации.

Определенное влияние на свободолюбивое творчество и личность мыслителя оказало его знакомство с представителями интеллектуальной элиты политических ссыльных. Особенно сблизился Абай со ссыльным Евгением Михаэлисом (род. в 1841 г.). Михаэлис учился в Петербургском университете, был лично знаком с Н.Г. Чернышевским. За участие в студенческом движении в 1861 г. был сослан в ссылку в Петрозаводск, затем в другие города, наконец, в 1869 г. – в Семипалатинск, где работал помощником делопроизводителя в областном правлении. В 1879 г. он был освобожден от полицейского надзора, в 1881 – 1882 гг. временно исполнял обязанности уездного судьи и областного прокурора. Дружба с Абаем продолжалась и позднее. Известно, что в 1893 г. Абай несколько дней гостил у Михаэлиса в Усть-Каменогорске [3]. Русские друзья помогали Абаю в его самообразовании, в ориентации в русской культуре и литературе, но и сами обогащались глубоким знанием Абая культуры, обычаев, обычного права казахского народа и народов Средней Азии. А. Букейханов писал, что Абай “был поклонником Толстого Л.Н. и Салтыкова” и до конца своей жизни всегда с благодарностью

вспоминал Михаэлиса, “приписывая ему все свое образование, и говаривал: “дуньяга кузымды ашканга олькен сябьякер болган кеп – Михаэлис” (открыл мои глаза г. Михаэлис)” [4].

Гостил у Абая в степи и ссыльный Северин Северинович Гросс (1852-1896), поляк по национальности, выпускник юридического факультета Петербургского университета, лично знакомый в Петербурге с А.Ф. Кони, А. Спасовичем [5] и другими видными юристами. Гросс работал над брошюрой “Юридические обычаи киргиз” и, видимо, консультировался по этим вопросам с Абаем.

Абай как просветитель видел главную задачу своего времени в просвещении, образовании народа, в его приобщении к мировой культуре. При этом он считал более надежным путь восприятия народом мировой культуры через европейское образование, прежде всего российское, и использование для этого помощи лучших представителей России. Он связывал с уровнем развития сознания народа, его мировосприятия, открытым обменом культурными ценностями с другими народами общий уровень развития народа, форм его жизни, благосостояния.

СУДЕБНАЯ И ЗАКОНОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АБАЯ

С 15 лет Абай часто присутствовал на судебных разбирательствах. А в 20 лет он уже сам славился как хороший оратор и знаток обычаев степи, подававший надежды со временем стать знаменитым бием. Об авторитете Абая-бия свидетельствует и то, что он неоднократно избирался посредником-примирителем (Тюбе-бием) при спорах представителей разных уездов.

Абай много лет занимал должность судьи (бия) и волостного управителя. В рапорте, подписанном генерал-майором Галкиным от 25 августа 1903 г. на имя военного губернатора Семипалатинской области, говорилось, что “Ибрагим Кунанбаев имеет от роду 60 лет, женат на 3 женах, от которых имеет около 20 человек детей, обладает состоянием 1000 лошадей и 2000 баранов, человек он весьма развитый и умный, служил 2 трехлетия бием и три трехлетия управителем Чингизской волости, затем одно 3-летие прослужил Управителем Нукурской волости по назначению от правительства. Служба Кунанбаева отличалась разумною исполнительностью и энергией, преданностью правительству и отсутствием фанатизма” [6].

Рассматривая дела в качестве бия, Абай проявлял глубокое знание правовых обычаев, стремился тщательно разобраться в деле и справедливо его разрешить. В то же время Абай старался и беспристрастно установить действительных виновных, что нравилось далеко не всем, особенно из числа тех, кто благодаря своей знатности или богатству рассчитывал на более благосклонное отношение именно к ним со стороны молодого бия. “Нет сомнения в том, – писал А. Букейханов, – что Абай в старое время оправдал бы пророчество родной степи: сделался бы бием, право судить которого создавалось не формальным избранием, а признанием его таланта, как устанавливается слава писателя и артиста. Новое время, характерное успехами и упрочением в степи ислама, обратило внимание Абая на знания, заключающиеся в книгах на арабском, персидском и тюркском языках. Благодаря досугу и способностям, он самоучкою достиг того, что выучился арабскому и персидскому языкам, на которых свободно читал, и приобрел имя знатока священных книг” [7].

Абай был известен не только как бий, но и как законодатель степи. В 1885 г. в местечке Карамола на берегу реки Чар (отсюда одно из названий документа – “Чарское положение”) был принят один из первых правовых документов на казахском языке, изданный типографским способом и распространенный среди казахского народа. Он представлял собой свод обычаев и законов степи, был принят на чрезвычайном съезде более ста биев ряда уездов Семипалатинской области. По предложению военного губернатора Семипалатинской области бии избрали своим председателем на съезде Абая (ему тогда было около сорока лет). Есть данные о том, что именно Абаем разрабатывался представленный на съезд этот документ, и что он огласил подготовленный нормативный акт, состоявший из 93 статей (параграфов), который был единодушно одобрен присутствующими [8]. В законоположении предпринималась попытка синтеза обычного права казахов и некоторых положений российского законодательства, что должно было обеспечить преемственность развития права и в то же время некоторое сближение законов степи и законов российской империи в варианте, приемлемом для нормального и естественного в целом развития казахского общества. В заключительном параграфе 74 говорится, что ереже составлено “по народному обычаю и по совести нашей и по справедливости” [9].

Еще предстоит детально проанализировать этот памятник обычного права (ереже). Но можно обратить внимание на ряд его интересных черт. В седьмом параграфе документа признавалось право сторон по обычному праву, принадлежащих к двум разным уездам, по соглашению определять место рассмотрения спора [10]. Данное правило обычного права ближе не к государственному суду конца XIX – начала XX веков, а принципам современных третейских судов и международных арбитражей, предусматривающих возможность соглашения сторон и о месте рассмотрения спора и даже о праве, на основании которого спор будет рассматриваться.

Наряду с заслушиванием свидетельских показаний, суд биев в соответствии с положениями ряда статей допускал и такое доказательство, как принесение присяги. В параграфе 14 записано, что присяга выполняется “перед Кораном в присутствии муллы волости ответчика” [11]. В параграфе 17 устанавливалось, что “присяга должна быть выполнена до захода солнца” [12]. Бии фиксировали – кто избран для принесения присяги, какое количество скота или имущества необходимо будет выплатить в случае ложной присяги.

Согласно параграфу 27 ереже за умышленное убийство мужчины устанавливался кун в размере 100 верблюдов, за случайное убийство – 50 верблюдов. За убийство женщины кун уменьшался в два раза соответственно вине. Интересно, что предусматривалось правило, что “за убийство мужа женою или жены мужем куна не полагается” [13].

Замужняя женщина, увезенная или бежавшая с любовником, согласно параграфу 31 возвращалась в волость прямо на съезд биев и этот суд принимал решение по делу. Если муж соглашался взять назад жену, то с увозившего брался штраф от 1 до 3-х девяток (определенное количество разного скота). Если муж отказывался жить с бежавшей женой, то она оставалась у увезшего ее и тот должен был выплатить калым, а жене не выдавалось приданое. Особые нормы относились к увозу просватанной невесты [14].

За прелюбодеяние предусматривалось наказание розгами и мужчины, и женщины (параграф 30). Драки, беспорядки, неподчинение представителям местной власти наказывались штрафами, в том числе денежными. В некоторых случаях применялся и арест по приговору управителя [15].

За воровство (кроме кражи у дяди или у деда племянниками и внуками) вводилась имущественная ответственность, а также телесные наказания до 60 ударов и арест до месяца. При этом считалось, что наложение комплексного строгого наказания бием обязательно. Лица, совершившие повторную кражу у своих родственников, могли быть наказаны по требованию потерпевшего [16].

Гуманистический характер законов Абая прослеживается в ряде статей. Ереже было ориентировано на воспитание и стимулирование взаимопомощи людей, их взаимной поддержки в сложных ситуациях. Так, согласно параграфу 35 виновные в неоказании помощи утопающим, во время бурана и т.п. должны были быть подвергнуты “взысканию по большей девятке скота” [17]. В ряде параграфов ереже проявлялась и его общесоциальная направленность. Так, в параграфе 36 вводилась ответственность за непринятие мер против гибели, упадка скота, мер, препятствующих распространению эпизоотий, за порчу арыков, колодцев, мостов и других общественно необходимых сооружений [18].

В этом нормативном документе предусматривались положения, которые должны были защитить, оградить от притеснений царской администрации казахское население, – свои суды, свои законы, привлечение мул в качестве посредников и принимавших присягу, ведение метрических книг “по-киргизски” [19], непризнание в суде биев профессиональных адвокатов, недопущение в качестве доверенных лиц – русских и татар (допускались доверенные казахи из того же уезда) [20] и т.д.

В целом, приведенные и многие другие положения правового документа, подготовленного Абаем, содействовали решению комплекса задач по регулированию общественных отношений, синтезу обычного права и отдельных норм российского законодательства, а также вовлечению в правовое регулирование потенциала нравственных норм и представлений о справедливости населения.

КРИТИЧЕСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ИДЕИ АБАЯ

Возникновение власти правителей Абай связывал с естественным стремлением людей к упорядочению общественной жизни, к самореализации, защите от возможных посягательств на их жизнь, имущество, права. “Говорят, – писал Абай, – ... когда каждый сам по себе бий, не ужиться и на бескрайних просторах, когда есть глава общины, не сгореть и в огне”. Люди, признав эту истину, приносили жертву святым духам и, помолясь, отдавали бразды правления всеобщему избраннику и впредь старались поддерживать во всем, скрывая его недостатки и славя достоинства. Относились к нему с должным почтением, слушались и неукоснительно повиновались, тогда и влиятельные лица не переступали пределов благоразумия. Как им было не заботиться о людях, когда все были братьями и достояние у них было общее.

И второе – люди свято берегли и дорожили единством. Стоило кому-то призвать на помощь других, упомянув при этом имена предков, как все бросались на выручку, забыв обо всех обидах и раздорах, охотно шли на уступки и жертвы [21].

С тех пор, по Абаю, многое изменилось. “Где теперь этот благородный дух общности и радения о чести?” [22], – спрашивал он.

Абай критиковал порядки, царившие в степи, противоречащие, по его мнению, как установлениям Аллаха, так и человечности. По Абаю, все люди и все религии признают, что “Богу присущи любовь и справедливость” [23]. Эти же основы – любовь и справедливость, по его убеждению, – “начала человечности”. “Они присутствуют во всем и решают все. Это – венец творения Всевышнего” [24]. Но именно этого, считал Абай, часто нет в реальной жизни, именно этим началам противостоят существующие порядки обычая. Не случайно, что, по Абаю, самое сложное – воспитать в людях человечность и научить их идти по пути истины [25].

Абай с горечью писал, что в степи не прекращается воровство, разбой, что несправедливо ведется уголовное преследование честных людей. “Над честными сынами степи, – писал он, – чинятся уголовные дела по ложным доносам, проводятся унижительные дознания, загодя находятся свидетели, готовые подтвердить то, что не видели и не слышали” [26]. Стремятся опорочить честного человека, не допустить его к выборам на высокие должности (известны интриги, которые плелись вокруг Ч. Валиханова, чтобы не допустить честного и просвещенного человека к государственной службе).

Гражданская позиция, которую Абай занимал как судья, как честный и авторитетный в степи человек, которого нельзя ни подкупить, ни сломить, порой дорого стоила самому Абаю. Об этом свидетельствует, например, апелляционный отзыв Абая (1900 г.) на решение областного суда, прекратившего и решившего передать в суд биев дело о нападении на Абая, его избивении и отнятии у него некоторых вещей группой мукурцев (представителей Мукурской волости во главе с волостным управителем). Нападение было совершено в связи с тем, что Абай дал согласие принять участие в определении границ между Мукурской и Чингизской волостями, а также обещал оказать содействие уездному начальнику в поимке бродяг, бежавших из ссылки и укрывавшихся в Мукурской волости – они удерживались волостным управителем, видимо, в качестве дешевой рабочей силы. В апелляционном отзыве Абай требовал пересмотра дела в Правительствующем Сенате и наказания виновных в нападении на него. Абай излагает факты, показывает логическую несостоятельность выводов суда о случившемся с учетом свидетельских показаний, дает юридическую квалификацию делу в соответствии с действующим законодательством (возможно, в этой юридической квалификации ему помог адвокат). Абай настаивал, чтобы его дело было рассмотрено государственным (“русским”) судом, как более “беспристрастным и справедливым в этом деле” [27].

Абай с сожалением замечал, что волостные правители достигают власти хитростью и обманом, заботятся лишь о собственном благополучии, ищут поддержки у таких же “увертливых и хватистых”, как сами, большую часть сил тратят на борьбу с соперниками и сохранение власти [28]. “Волостные, – отмечал мыслитель, – избираются на три года. Первый год их правления проходит в выслушивании обид и упреков: “Не мы ли тебя выдвигали?” Второй год уходит на борьбу с будущими соперниками. И третий – в предвыборных хлопотах, чтобы снова быть избранным. Что остается?” [29].

По Абаю, обстоятельства жизни, обычаи, сложившиеся отношения – все вместе подчиняют людей существующей системе. “Так и живут: вельможный – помогая

баю и пособляя вору, бедняк – подыгрывая власть имущим, поддерживая их в спорах, примыкая то к одной, то к другой партии, за здорово живешь поступаешь собственной честью, продавая жену, детей, сородичей” [30], – писал Абай. Мыслитель заявлял, что не может при всем желании уважать волостного и бия, так как “нет в степи божеской управы и суда. Власть, купленная за деньги, не многого стоит” [31]. Абай высказывал сожаление, что в степи сильный и умный человек скорее готов не к добрым, а к худым делам, что “нет человека, чей ум был скор в служении делу совести и справедливости, а на хитрость и вероломство всяк горазд” [32].

Мыслитель обращал внимание на необходимость вдумчивого анализа всего происходящего, уважения к таланту, на недопустимость слепого следования за толпой и утешения себя при совершении плохих дел тем, что все так поступают. “Что лучше, когда пострадает от джута весь народ или уцелеет хотя бы половина его? В чем утешение одному дураку от того, что рядом находятся тысячи других безмозглых?” [33] – спрашивал он. Абай был сторонником просвещенного и нравственного правления. Для него эти его свойства, его эффективность и разумность, видимо, были выше формальных признаков – количества людей, участвовавших в принятии того или иного решения. Это был для него, видимо, вопрос второго порядка. Главное – просвещенное и нравственное правление. Хотя естественно, Абай более положительно относился к демократическим формам решения вопроса, присущим обычаям степи, особенно, если это решение было компетентным и справедливым.

В то же время Абай против тех, кто не верит в человека, возможности его развития, исправления. Он соглашался, что человек – дитя своего времени, что в плохих качествах и поступках людей виноваты и его современники, и общество. Но Абай не считал, что несовершенство людей – свидетельство неисправимой и злой природы человека. “Будь в моих руках власть, – заявлял он в “Слове тридцать седьмом”, – я бы отрезал язык тому, кто твердит, будто человек неисправим” [34].

Изучение существующих порядков Абаем и его критическое отношение к ним сочетались в его произведениях с предложениями об изменении существующего положения дел. Чтобы избежать вражды и произвола в степи, он предлагал в волостные правители назначать лиц, получивших российское образование, а если таковых нет, то производить назначение по усмотрению уездного начальства и военного губернатора. Это, по его мнению, стимулировало бы получение образования и выводило волостных правителей из-под влияния и прихоти местной знати [35].

Абай предлагал также отказаться от краткосрочного избрания биев, замечая, что не каждый способен быть бием. “Не всякому под силу вершить правосудие. Чтобы держать совет, как говорится, на “вершине Культобе”, необходимо знать своды законов, доставшиеся нам от предков, – “светлый путь” Касым-хана, “ветхий путь” Есим-хана, “семь канонов” Аз Тауке-хана. Но и они устарели со временем, требуют изменений и непогрешимых вершителей, коих в народе мало, а то и вовсе нет” [36]. Абай предлагал от каждой волости избрать по три бия из числа “образованных и толковых”, при этом “не определяя срока их пребывания на посту, и смещать только тех, кто обнаружит себя в неблагоприятных делах” [37]. Он полагал, что надо так устроить систему формирования судов, чтобы закрепить

на должностях судей образованных, подготовленных и честных судей, оградив их от притязаний на эти должности корыстных и малокомпетентных конкурентов. Он полагал также, что не следует заваливать этих судей мелкими делами и делами, которые могут разрешиться третейскими судами, считая, что споры сначала должны разрешаться третейским судом, и лишь не найдя удовлетворения в нем, спорящие должны иметь право обратиться к одному из трех избранных постоянных судей. Абай выступал против затягивания рассмотрения дел в судах [38].

При всем том Абай как глубоко верующий человек признавал, что человеческий суд, каким бы совершенным он ни был, не сопоставим с высшим судом Бога. В наделении Богом человека способностью держать ответ на Страшном суде, по Абаю, проявилась “справедливость и любовь к человеку” Бога [39].

В философии права Абай самобытен, но при этом стихийно принадлежит к традиции синтеза права и нравственности, которая прослеживается в истории правовой мысли и проявляется, например, во взглядах Конфуция в Древнем Китае, в учении И. Канта в Германии за полвека до Абая. Разнообразные проявления этой тенденции объединены тем, что право понимается как явление значительно более широкое, чем законодательство. Для Абая в структуре права, кроме законодательства, ведущими элементами являются обычное право и нравственность, представления о справедливости. При этом Абай скорее сторонник динамичного соединения, сплава обычного права и законодательства, но на основе обычного права. Такая комбинация и пропорции сочетания форм права, по его убеждению, видимо, были наиболее приемлемыми для казахского общества конца XIX – начала XX веков. И еще один момент. Для всей традиции в правовой мысли, к которой принадлежал и Абай, важное значение имел ориентир на нравственное усовершенствование, воспитание и развитие человека, в том числе путем просвещения и образования. Такая позиция органично была связана с просветительской направленностью творчества и деятельности Абая.

Абай Кунанбаев своей критикой межродовых и феодальных раздоров в степи сыграл выдающуюся роль в осознании этих недостатков, в формировании критического отношения к ним, в пропаганде прогрессивных для своего времени мировоззрения и политико-правовых идей. Симпатии Абая к институтам родовой демократии отражали интересы, представления о справедливом строе широких слоев казахского общества. “Не случайно антифеодальные и антиколониальные движения казахских крестьян конца XVIII и первой половины XIX веков, – писал А.Н. Таукелев, – проходят под лозунгом борьбы за утверждение родовой демократии, против произвола ханов, султанов, а также против колонизаторской политики разрушения родоплеменного деления казахского общества” [40].

Однако, глубоко болея душой за народ, выражая его фундаментальные интересы, мыслитель подчеркивал различие народа и толпы, как уже отмечалось, весьма критически относился к толпе. “Кто отравил Сократа, – писал он, – кто спалил Жанну д’Арк, кто казнил Гайсу, кто закопал нашего пророка в останках верблюда? – Толпа. Толпа безрассудна. Сумей направить ее на путь истины” [41].

Пропагандируя достижения русской культуры и литературы, призывая к изучению русского языка, развитию европейского образования, Абай был далек от идеализации всего, что связано с Россией, критически относился к русским чиновникам, преследовавшим нередко свои корыстные интересы. “По цензурным соображениям он не высказывает своих взглядов о царизме, о реакционной коло-

ниальной политике. Зато едко высмеивал лакеев царизма в степи, ставленников колониальной администрации из казахов – волостных правителей и старших, тех, кто готов “...продать отца, мать, всех родных и близких первому русскому чиновнику, который похлопает его по плечу” или “дарит ему халат и медаль” [42].

В то же время в геополитическом и историко-культурном плане Абай видел единство исторических судеб России и Казахстана, по мере сил содействовал стратегической исторической тенденции сближения этих стран и народов.

В советское время в некоторых исследованиях не всегда корректно подчеркивалась критика Абаем религии, поскольку он критиковал нередко встречавшихся ему неграмотных мулл, бездумное отправление религиозных обрядов как самоцель, но не выступал против Бога (Аллаха), не отвергал религии в целом, был глубоко и искренне верующим человеком. При этом он оставался критически и философски мыслящим, в том числе в религиозной сфере, в сфере ислама. В этом отношении он был довольно близок к Л.Н. Толстому, весьма критически настроенному против церкви и духовенства и пытавшемуся по-своему осмыслить основы христианства.

О необходимости совершенствования в вере и личном усовершенствовании верующего Абай говорит в “Слове двенадцатом”. Он признает благим делом обучение других слову божьему. Но замечает, что нельзя забывать два непереносимых условия: “Прежде всего он должен утвердиться в своей вере, во-вторых, пусть слишком не довольствуется тем, что знает, а постоянно совершенствуется. Если кто, не завершив учебу, оставляет ее, тот лишает себя божьего благословения, от его наставлений прока не жди. Что толку, если, обернув голову чалмой, строго соблюдая посты, совершая моления, он напускает на себя благообразие, но не знает, в каких местах требует повторения или в каком месте может прервать тот или иной намаз?

Кто небрежен, не соблюдает себя в строгости, не умеет сострадать, того нельзя считать верующим – без бережливости и внимания не удержать в душе иман – веру” [43].

Признавая, что все, в конечном счете, произведено Создателем, Абай считал, что и от человека зависит многое. “Разумный человек должен знать, – учил Абай. – долг верующего – творить добро. Правое дело не может бояться испытания разумом. Если не дать свободу разуму, то как быть с истиной: “Да познает меня обладающий разумом? Если существует в нашей религии изъян, то как запретить разумному думать о нем? На чем бы основывалась религия, не будь разума? Чего стоит добро, творимое без веры? Нет, ты должен понять и поверить в то, что добро и зло созданы Богом, но не он творит их; Бог создал богатство и бедность, но не он сделал людей богатыми и бедными; Бог создал болезни, но не он заставляет людей страдать от них. Иначе, все – тлен” [44].

О неоднозначности и сложности позиции Абая по отношению к некоторым течениям ислама свидетельствуют и не так давно опубликованные архивные материалы. В апреле 1903 г. в зимовке Абая, в трех юртах, принадлежавших самому Абаю и двум его сыновьям, был неожиданно произведен обыск. В секретном рапорте Семипалатинского уездного начальника от 27 апреля 1903 г. на имя военного губернатора Семипалатинской области сообщалось, что в числе корреспонденции было найдено во время обыска письмо из Кокчетавы, адресованное неизвестным лицом Ибрагиму Кунанбаеву “с просьбой побудить киргиз

Семипалатинского уезда присоединиться к ходатайству таковых же Акмолинской области перед Правительством об учреждении особого для киргиз магометанского духовного собрания” [45]. Это письмо было обнаружено при последующем обыске волостного управителя, которому как будто бы сын Абая отдал это письмо “на сигарки”, а сам он получил его два дня до этого от отца (Абая), у которого оно хранилось два месяца и было получено от неизвестного лица. В секретном рапорте эта версия подвергалась сомнению, и высказывалось предположение, что письмо было передано управителю в надежде, что того не будут обыскивать [46].

Касаясь вопросов будущего развития общества, Абай признавал, что по мере его эволюции могут изменяться и фундаментальные его основы, в том числе и каноны религии [47]. Будущие формы жизни, ее принципы определяют те, кто будет тогда жить в соответствии с разумом и верой. Но Абай был уверен, как были уверены в свое время, например, Аристотель, аль-Фараби и Ш.Л. Монтескье, что должна существовать гармония и выражающая ее мера всему, в том числе и хорошему. “Все на свете имеет свою меру, – говорил он. – ...Все, что сверх меры, – есть зло” [48].

Абай не был утопистом. Осознавая последующую эволюцию общества и ее прогрессивную в целом направленность, он был далек и от идеализации будущего. “Или все-таки наступят светлые дни, когда люди забудут воровство, обман, злословие, вражду и устремятся к знаниям, обучатся ремеслу, начнут добывать богатства честным, достойным путем, – писал он и, отвечая на свой вопрос, признавал: – Вряд ли наступят такие дни” [49].

Своим творчеством и деятельностью Абай предвосхитил многие идеи и позиции, с которыми выступили и которых придерживались несколько позже представители блестящей группы либеральной интеллигенции Казахстана – лидеры партии “Алаш”, во многом принявшие от великих просветителей предшествующего периода историческую эстафету пробуждения национального самосознания и просвещения народа, дальнейшего развития национальной политической и правовой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Публикация: Ударцев С.Ф. Абай Кунанбаев: мыслитель, судья, законодатель // В кн.: Гении культуры: Пушкин и Абай. Мэдениет данышпандары: Пушкин және Абай. Ростов-на-Дону – Астана – Армавир, 2007. С. 227 – 246.
2. Букейханов А. Абай (Ибрагим) Кунанбаев (Некролог) // Абай и архив / Главное управление архивами и документацией при Кабинете министров Республики Казахстан / Ответственный редактор Н. Шакеев. Составитель С. Байжанов. Алматы: “Гылым”, 1995. С. 138.
3. Подробнее см.: Галиев В.З. Ссылные революционеры в Казахстане (вторая половина XIX века). Алма-Ата, 1978. С. 126-128.
4. Букейханов А. Указ. соч. С. 141. О переводе Абаем “Евгения Онегина” А. Букейханов писал: “Абаем переведен на казахский язык “Евгений Онегин”; особенной в степи популярностью пользуется “письмо Татьяны”, для которого тот же переводчик сочинил мотив. В 1899 году в Коканской волости киргизский певец Адылхан предложил нам послушать “письмо Татьяны” под аккомпанемент его скрипки. На наше удивление, откуда он знает “письмо Татьяны”, Адылхан, не без гордости указав на себя, пояснил, что у русских был такой же, как он, певец – “ахын” Пушкин, который воспел, как Татьяна “слу” (красавица) полюбила джигита Онегина, которому и написала письмо. В тот же вечер Адылхан, знающий много оригинальных стихов Абая, спел нам несколько его переводов из Лермонтова, пояснив при этом, что Лермонтов был недоволен жизнью, а Пушкин относился к ней, как мудрец. Впоследствии автору этих строк пришлось убедиться в том, что в Киргизской степи в разных уездах “ахыны” знали и распевали на ... домбре переводы Абая из Пушкина и Лермонтова” (там же).
5. Подробнее см.: Галиев В.З. Указ соч. С. 131 – 132; Букейханов А. Указ. соч. С. 140.

6. Конфиденциально. М.В.Д. Семипалатинского Уездного Начальника августа 25 дня 1903 г. № 48. Г. Семипалатинск. Господину Военному Губернатору Семипалатинской области. Рапорт Уездного управителя Навроцкого. Подписал Генерал-майор Галкин // Абай и архив. Алматы: "Гылым", 1995. С. 133. Сохранены особенности оригинала.
7. Букейханов А. Указ. соч. С. 139.
8. Законоположение, созданное в Карамоле // Абай и архив. Алматы: "Гылым", 1995. С. 62 – 63. Однако в данном издании ереже насчитывает 74 статьи (или параграфа).
9. Там же. С. 81.
10. Эреже, составленное на Чарском чрезвычайном съезде в мае месяце 1895 года // Абай и архив. Алматы, 1995. С. 67 – 68. В книге – эреже.
11. Там же. С. 69.
12. Там же.
13. Там же. С. 71.
14. Там же.
15. Там же. С. 72.
16. Там же. С. 73.
17. Там же. С. 72.
18. Там же. 72 – 73.
19. Там же. С. 80 (параграф 66).
20. Там же. С. 81 (параграф 71).
21. Абай. Книга слов // В кн.: Абай. Книга слов. Шакарим. Записки забытого. Алма-Ата, 1992. С. 79.
22. Там же. С.80.
23. Там же. С.90.
24. Там же.
25. Там же. С. 61.
26. Там же. С. 12.
27. В Правительствующий Сенат Киргиза Чингизской волости, Семипалатинской области, того же уезда Ибрагима Кунанбаева Апелляционный отзыв // Абай и архив. Алматы: "Гылым", 1995. С. 105 – 118.
28. Абай. Книга слов... С. 12 – 13.
29. Там же. С. 13.
30. Там же. С. 24
31. Там же. С. 36.

....

В июне 2015 года отмечают:

60-летие

Далелбек БАТЫР, прозаик

Самат ИБРАИМ, прозаик

Абай МАУКАРАУЛЫ, прозаик

70-летие

Елен АЛИМЖАН, прозаик, драматург

Геннадий ДОРЕНИН, прозаик

Тынымбай НУРМАГАНБЕТОВ, прозаик

**Редакция журнала «Простор»
сердечно поздравляет юбиляров!**

